

УДК: 94(474.3)

ББК: 63.4.(3).

DOI: 10.18688/aa2111-05-39

Р. Спиргис

Растительный орнамент ливских овальных фибул конца XII – XIII веков в контексте средневекового христианского искусства

Исследование посвящено такому нетривиальному для Скандинавии и Восточной Европы украшению, как овальные фибулы. Всего от Исландии до Западной Сибири исследователями насчитывается более 3600 находок [28, р. 167, 185]. Фибулы предназначались для застегивания в плечах женского сарафана. Зачастую к ним крепилась пронизь бус, или цепочка. Считается, что украшения овальной, полусферической формы возникли около 600 г. в виде небольших фибул с гладкой поверхностью (Рис. 1:1), иногда примитивно орнаментированных солнышками. Вскоре на купол изделий была перенесена фигура животного (Рис. 1:2) с фибул в форме «ползущего» зверя (нем. — Kriechtierform). В результате возникли фибулы овальной формы с неглубоким рельефным изображением животного с компактно согнутыми и прижатыми к телу по бокам лапами [24, S. 22]. Посередине сверху проходит позвоночник, от которого отходят изображающие ребра полосы. Спереди выпуклыми сферами отмечены большие глаза. Четыре схожих сферы намечают суставы лап (Рис. 1:3).

С течением времени изначальное изображение «ползущего» зверя постепенно «растворилась» в орнаменте (Рис. 1:4, 5). С появлением типа Р37 (Рис. 2:3) происходит переход на массовое производство стандартизованных изделий. Всего известно около 600 фибул этого доминировавшего в IX в. типа и около 1000 пришедших на его замену в конце века фибул типа Р51 [28, р. 185] (Рис. 2:4). По истечении же X в. «линейку» скандинавских изделий такого рода замыкают типы Р48, Р52, Р55 и около 1000 г. «овал» выходит из употребления [17, с. 182–185].

Под влиянием скандинавов овальные фибулы были переняты отдельными финно-угорскими народами, в том числе населявшими восточное побережье Рижского залива ливами. После же прекращения их изготовления, на рубеже X и XI вв., появляются первые местные образцы, которые были меньше размером и не столь роскошны.

Изделия местных мастеров представлены пятью типами: фибулы с рогами, медальонами, ромбом, узлами и пальметтами (Рис. 3). Если типология и датировка этого вида украшений уже разобрана в монографическом исследовании [29; см. также: 7], то семантика изображений ещё не стала предметом исследования. Автором предлагаемой статьи уже была намечена связь между появлением пальметт в ливском материале и христианской символикой [8], но общий контекст смены сюжетов на ливских овальных фибулах

Рис. 1. Происхождение и христианские изображения на скандинавских фибулах. 1. Овальная фибула типа P1. Вторая половина VII — первая половина VIII вв. Латвия. Поселение Долес Рауши. Прорисовка по: [29, 50, lpp., 2. att.: 2]; 2. Фибула в форме ползущего зверя. VII—VIII вв. Дания. О. Борнхольм. Каппнекгаард. Прорисовка по: [24, Taf. II:1]; 3. Овальная фибула типа P10. VII—VIII вв. Швеция. Смоланд. Волость Berga. Прорисовка по: [24, Taf. II:3]; 4. Овальная фибула. Вторая половина VIII вв. Норвегия. Svennevig. Прорисовка по: [28, р. 175, Fig. 15]; 5. Овальная фибула типа P11. Первая четверть IX вв. Норвегия. Mindersund, Stryn. Прорисовка по: [24, Taf. V:1]; 6. Овальная фибула типа P27B. Вторая четверть IX вв. Швеция. Бирка. Захоронение 515. Прорисовка по: [17, с. 41, fig. 27]; 7. Овальная фибула. Конец VIII вв. Швеция. Бирка. Захоронение 655. Прорисовка по: [17, с. 21, fig. 5]

и скандинавских предшественников, а также причины долгого использования украшений такой формы — ещё не рассматривались.

Ливские фибулы с пальметтами

Растительный орнамент появляется только на последних овальных фибулах ливов — на фибулах с пальметтами (Рис. 4). При этом, по сравнению с сильно дегенерированными фибулами середины XII в. (поздние вариации типа с медальонами), изделия с растительным орнаментом наметили новый поворот в ювелирном искусстве древних ливов.

Фибулы 5-го типа можно разделить на два варианта. В центре фибул варианта 5а видим ромб с четырьмя круглыми выступами по углам (Рис. 4:1—4). В ромбе размещена «звезда», которую формируют рельефные полусфера в центре и четыре треугольника по сторонам. По сторонам ромба размещены овальные медальоны, в которых изображена

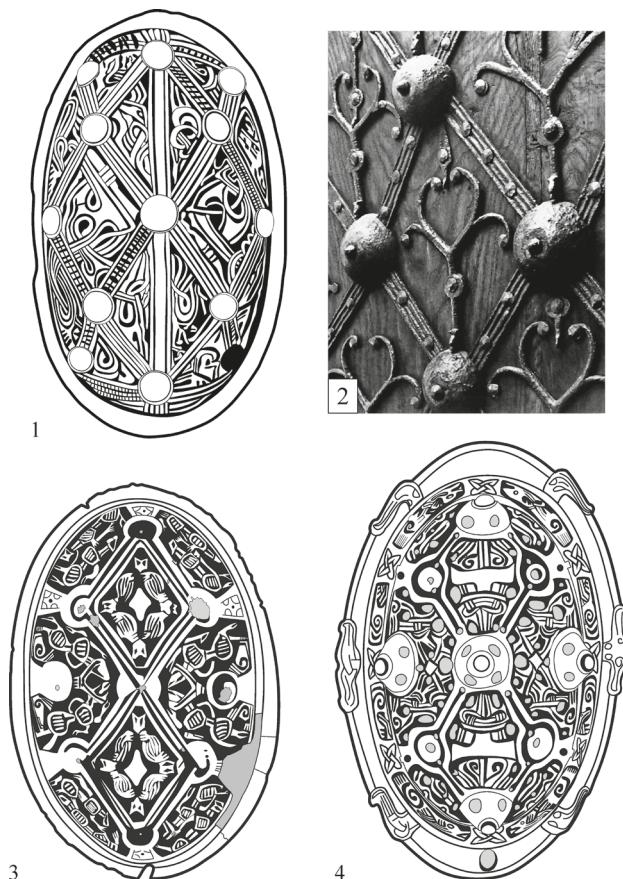

Рис. 2. Мотив решётки на скандинавских овальных фибулах. 1. Овальная фибула типа P25. Первая половина IX в. Швеция. Сконе. Волость Nöbbelöv. Прорисовка по: [24, Taf. XVI:3]; 2. Двери церкви Нørby. Дания. Середина XII в. Адаптировано по: [18, р. 126, Fig. 42]; 3. Овальная фибула типа P37:3 из захоронения середины XI в. Латвия. Могильник Саласпилс Лаукской. Захоронение 83. По: [29, 51. lpp., 3. att.]; 4. Овальная фибула типа P51 C1 из захоронения середины XI в. Латвия. Могильник Саласпилс Лаукской. Захоронение 120. По: [29, 54. lpp., 7. att.]

пальметта из волюты с округлым «плодом» сверху. В верхних медальонах мотив пальметты дополнен двумя рифлёными ростками.

Вариант 5б представлен фибулами, у которых в верхней части, в центре ромба изображена розетка с девятью лепестками (Рис. 4:5–6). По направлению от розетки к углам ромба идут тонкие «шипы». По углам ромба в верхней части видны четырёхугольные образования с полосами в середине. Во всех четырёх медальонах пальметты одинаковые, а «плоды» над волютами дополнены полосами, которые делают их похожими на шишки. Профилирование между куполом фибулы и краем рифлёное, что создает

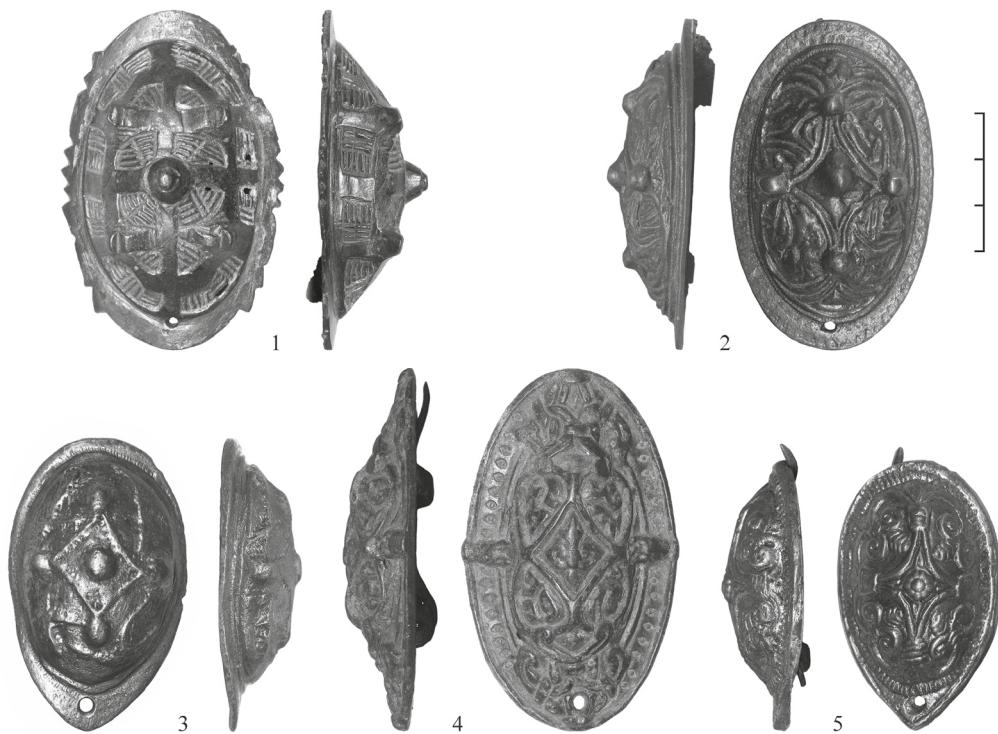

Рис. 3. Основные типы ливских овальных фибул. 1. Тип 1 — фибула с рогами. Могильник Долес Вампениеши I. Захоронение 83. По: [29, 66. lpp., 21. att.]; 2. Тип 2 — фибула с медальонами. Могильник Саласпилс Лаукскола. Захоронение 309. По: [29, 75. lpp., 31. att.]; 3. Тип 3 — фибула с ромбом. Могильник Саласпилс Вейстури. Захоронение 6. По: [29, 90. lpp., 45. att.]; 4. Тип 4 — фибула с узлами. Могильник Саласпилс Лаукскола. Захоронение 183. По: [29, 92. lpp., 47. att.]; 5. Тип 5 — фибула с пальметтами. Могильник Саласпилс Лаукскола. Захоронение 570. По: [29, 99. lpp., 56. att.]

имитирующую грануляцию окантовку композиции. Край фибул узкий и расширяется вниз только у отверстия.

Фибулы 5-го типа с растительным орнаментом являются самыми поздними овальными фибулами ливов (Илл. 113) и датируются второй половиной XII–XIII вв. [31].

Значение растительного орнамента

Во время работы над типологией ливских овальных фибул одной из проблем, привлекшей внимание автора, был вопрос о причинах появления растительных мотивов на ливских украшениях и о значении этого орнамента. В ряде статей была высказана мысль о связи этих мотивов с христианством [31, р. 186–188; 8, с. 83–88 и др.].

Действительно, происхождение растительного орнамента украшений надо искать на Востоке, где он был непосредственно связан с символикой райского сада. Этую идею переняло и христианское искусство. Не даром вся история человечества в христианстве

Рис. 4. Варианты ливских овальных фибул с пальметтами. 1. Фибула варианта 5а₁. Могильник Долес Вампениеш I. Захоронение 182. По: [29, 97. lpp., 52. att.]; 2. Фибула варианта 5а₂. Могильник Саласпилс Лиши. Захоронение 119. По: [29, 97. lpp., 53. att.]; 3. Фибула варианта 5а₃. Прицерковное кладбище в Икшките. Захоронение 250. По: [29, 98. lpp., 54. att.]; 4. Фибула варианта 5а₄. Поселение на о. Мартиньсала. По: [29, 99. lpp., 55. att.]; 5. Фибула варианта 5b₁. Могильник Саласпилс Лаукскола. Захоронение 570. По: [29, 99. lpp., 56. att.]; 6. Фибула варианта 5b₂. Могильник Долес Рауши. Захоронение 167. По: [29, 100. lpp., 58. att.]

начинается¹ и заканчивается² вегетативным сюжетом [14, p. 234–235] и нескончаемое переплетение ветвей дерева жизни, цветов, лавровых листьев и гроздей винограда визуализировали божественное откровение тайны мироздания и символизировали устройство Царства Божьего или рая, в который попадут души праведных христиан после смерти [3, с. 83; 5, с. 74; 18, p. 226].

Особо следует отметить распространённость мотива среди погребальных памятников средневековья, как-то могильные камни, мемориальные кресты и саркофаги в Англии, Скандинавии, Армении, Византии, что показывает синонимность креста распятия и дерева жизни в значении христианского символа воскрешения [21, с. 64; 18, с. 28, 36]. Такой выбор мотива объясняется словами из Откровения Св. Иоанна Богослова,

¹ «И произрастил Господь Бог из земли всякое дерево, приятное на вид и хорошее для пищи, и дерево жизни посреди рая, и дерево познания добра и зла» (Быт. 2: 9).

² «Среди улицы его [небесного Иерусалима], и по ту сторону реки, дерево жизни, двенадцать раз приносящее плоды, дающее на каждый месяц плод свой; и листья дерева — для исцеления народов» (Откр. 22: 2).

которое описывает небесное дерево Жизни, вкушение плодов которого сообщает вкушившему вечную жизнь: «дам вкушать от дерева жизни, которое посреди рая Божия» (Откр. 2: 7).

Ливские овальные фибулы варианта 5b ещё дополнены розеттой в центре. Роза на Западе в средневековые являлась распространённым символом Девы Марии и символизировала непорочность [12, р. 106]. Но в таком случае она должна была бы быть изображена без шипов. В нашем случае на фибулах шипы присутствуют. Принимая во внимание расположение цветка в центре крестовидной композиции, розетта отображает розу, которая расцвела на грани между жизнью и смертью, символизируя собой Иисуса Христа и воскрешение [13, S. 282].

Христианская символика скандинавских овальных фибул

Были ли ливские фибулы первыми изделиями такого рода, которые несут на себе христианскую символику?

Пышные композиции с непонятным, фантастическим орнаментом скандинавских овальных фибул обычно навеивают мысли о «застывших в бронзе» кеннингах поэзии скальдов [4, с. 135–137], а сам зооморфный орнамент воспринимается как неотъемлемое внешнее проявление «северного» язычества или даже рагнарёка [27, с. 188]. В настоящее время наметилась тенденция вычленять среди разнообразия скандинавских овальных фибул те, мотив которых демонстрирует христианские символы. Так, в 2014 г. вышла статья датского профессора С. М. Синдбека (Sindbæk) о христианских мотивах скандинавских овальных фибул [28], в которой приводятся изделия с изображением креста (Рис. 1:4–6) и символами четырёх Евангелистов (Рис. 1:7).

Такие фибулы — тип Svennevig, P11, P27B, Бирка 655 — эпизодически встречаются во второй половине VIII–середине IX вв., в том числе в контексте миссии Ансгара в Бирке и первых христианских захоронений Швеции [28, р. 174–183; 14, с. 19–20]. Что же касается более поздних, стандартизованных и получивших широкое распространение в IX–X вв. фибул типа P37 и P51 (Рис. 2:3, 4), то, по мнению С. Синдбека, они уже христианской символики не несут. Таким образом, по мнению исследователя, после первых успехов миссии, скандинавы якобы стали менее восприимчивы к новой религии. Как следствие — из облика овальной фибулы пропадают христианские символы и происходит возвращение к мифологическим сюжетам [28, р. 187, 191–193].

Насколько справедлив такой вывод?

Действительно, начиная с фибул типа P25 (Рис. 2:1), широко вводится разбитие поверхности купола фибулы сетью полос, которые создают различные по размеру и форме участки с изображениями (Рис. 2:3, 4). По мнению С. Синдбека, здесь изображена ловчая сеть из толстого каната, которая охватывает стаю зверей — мотив, который указанный автор противопоставляет влиянию христианства [28, р. 186–193].

В то же самое время прямые аналогии такой «сетки» находим в оформлении ряда литургических предметов, изображения которых таким образом группируются в некий сакрально-космологический порядок [33, S. 205–206]. Так, по наблюдениям исследователя шведской художественной ковки Леннарта Карлссона, решётка достаточно часто встречается и в оформлении средневековых церковных дверей (Рис. 2:2), где симво-

лизировала преграду в преддверии рая. Это символ, который наглядно давал понять о невозможности проникновения к заветной цели, и тем самым олицетворял ожидание райского блаженства [18, р. 28, 36, 126, 127].

В этой связи можно отметить, что у фибул типа Р25 (Рис. 2:1), а в дальнейшем на Р27 (Рис. 1:6), Р35 [17, с. 41, fig. 27, 28] и некоторых Р37 [17, с. 41, fig. 27, 28] на пересечении полос находятся сферические выступы — типичная для того времени символическая имитация вставок драгоценных камней. Драгоценность решётки ясно указывает на символику стен украшенного драгоценными камнями небесного Иерусалима³.

Образы христианской зоологии и мотивы скандинавских овальных фибул

Большинство исследователей склоняются в качестве основной фигуры фауны скандинавских овальных фибул видеть различные вариации изображения льва [28, р. 188]. В литературе отмечается, что фигура этого экзотического для севера Европы хищника распространилась в Скандинавии под воздействием искусства каролингов [24, S. 22–23; 33, S. 208].

Здесь надо отметить, что именно лев был едва ли ни наиболее тиражируемым персонажем животного мира в средневековом искусстве [6, с. 51–53]. Его образ был неразрывно вплетён в канву христианских сюжетов и символов. В Библии царь зверей упоминается 145 раз: рык и кровожадность льва — символ сатаны или гнева Божьего, убийство льва Давидом и Самсоном — образ борьбы со злом, сила льва — качество царя или героя и т. д.⁴

Сюжет интересующих же нас фибул, на мой взгляд, происходит из другого источника — из так называемого «Физиолога»⁵. Согласно христианской зоологии, лев имеет свойства, которые соотносятся с божественной природой Иисуса Христа. Так, фибулы Р34, Р35, Р37: 1-5 на боковых полях несут изображение пары приподнявшихся на задние лапы зверей. Относительно фибул Р37 (Рис. 5:1г, выделено светло-серым) уже шведский археолог Ингмар Янссон подметил третью, распостёртую внизу фигуру [17, с. 56]. Для понимания композиции важны более ранние изделия Р10 и Р23/24, на которых лежащая снизу фигура просматривается лучше (Рис. 5:16, 1в, выделено светло-серым). Такой же сюжет, где пара львов стоит над лежащим львёнком, находим среди миниатюр из Физиолога и средневековых бестиариев (Рис. 5:1а.). Тут имеется в виду свойство львят рождаться мёртвыми. Только на третий день лев своим дыханием вызывает их к жизни — по аналогии с воскрешением на третий день Иисуса Христа [9, с. 125]. На христианский контекст этого сюжета фибул указывает и изображение прямоугольноконечного креста в центре композиции на некоторых изделиях типа Р37:1 (Рис. 5:1г). Тот же сюжет раскрывают четыре конечных поля фибул Р37 с лежащим на спине львёнком и стоящим

³ Откр 21: 18.

⁴ Разбор библейских сюжетов с фигурой льва в контексте Скандинавских рунических камней см. [23, р. 478–485].

⁵ «Физиолог» — чрезвычайно популярный в средневековье трактат (составлен примерно в III в. н. э. в Александрии Египетской), раскрывающий повадки и свойства различных животных, птиц и камней с точки зрения основ христианского учения. «Рекомендован» как источник образов для миссионерской проповеди для северных народов папой Григорием Великим в конце VI в. К XII в. на западе путем расширения и добавления новых статей из «Физиолога» возник т. н. «Бестиарий».

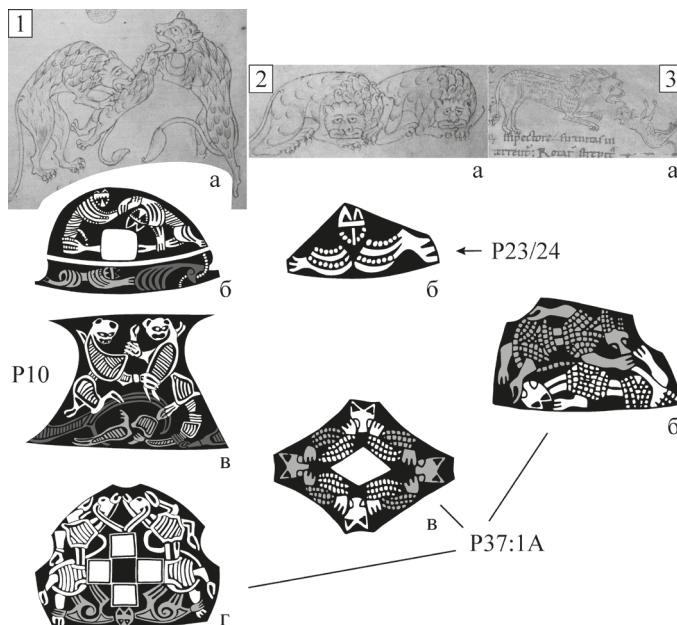

Рис. 5. Мотив льва из средневекового бестиария и «хватающий зверь» овальных фибул. 1.–2. Миниатюра бестиария. Вторая половина XII в. Bodleianская библиотека Оксфордского университета MS. Laud Misc. 247, fol. 139v.
Адаптировано по: <https://digital.bodleian.ox.ac.uk/>; 3. Миниатюра бестиария. Первая половина XII в. Британская библиотека, Stowe MS 1067, fol. 1r. Адаптировано по: http://www.bl.uk/manuscripts/Viewer.aspx?ref=stowe_ms_1067_fs001r

над ним львом (Рис. 5:3б) — ещё один вариант изображения вдыхания души львёнку (Рис. 5:3а).

Далее, у фибул типа Р37 на паре верхних ромбов видны четыре опущенные на лапы звериные морды (Рис. 5:2в). Схожим образом на страницах бестиария изображены спящие рядом друг с другом львы (Рис. 5:2а), что иллюстрирует свойство льва спать с открытыми глазами — аналог бодрствования Христа [9, с. 125]. Этот же мотив, собственно, демонстрирует и зверь ранних овальных фибул (Рис. 1:2-4), который олицетворяет собой не какого-то абстрактного, «ползущего» хищника, а именно спящего с открытыми глазами льва⁶. Т.е. перед нами символ вечной жизни по примеру образа распятого Иисуса Христа, божественная сущность Которого продолжала бодрствовать «одесную Отца», когда тело Его уже упокоилось на кресте [9, с. 125].

Происхождение и причины продолжительного использования овальных фибул

Для застёгивания и ношения сарафана фибула не принципиальна. Т.е. здесь налицо роль демонстрации статуса. Но почему распространение получила именно форма овальной полусферы?

⁶ Глаза «ползущего» зверя овальных фибул всегда выполнены круглыми, т. е. именно открытыми.

В научной литературе неоднократно указывалось на восприимчивость и использование западноевропейской верхушкой общества Византийских атрибутов власти и символов социального статуса. Так, уже франками были интегрированы элементы одежды времен Юстиниана и его супруги — Теодоры [16]. Несколько позже многие особенности способа ношения литургической одежды и украшений, такие, какими мы их видим на мозаике церкви Сан Витале в Равенне (Илл. 114:1) были также заимствованы в Скандинавии [15, S. 182]. Наряд Теодоры демонстрирует, собственно, и сам прототип обсуждаемых скандинавских украшений — это пара больших драгоценных камней красного цвета в золотой оправе.

Ещё один предмет, который бы хотелось обсудить в контексте археологических овальных фибул — это византийский диптих Благовещения (Илл. 114:2) из церкви Св. Климента в Охриде (Северная Македония). Икона публиковалась неоднократно и ей посвящена обширная литература, причём датировка памятника может разниться в диапазоне от XI до XIII в. [1, с. 74].

Исходя из символики Приснодевства Марии, можно предположить, что на рисованной иконе на плечах Богоматери была изображена пара таких же звезд, как та, что видим на лбу. После дополнения серебряным окладом, на их место прикреплена пара овальных накладок из горного хрусталя в серебряной оправе, внешний вид и расположение которых в целом соответствуют «скандинавской» традиции овальных фибул. Если принять, что ношение пары фибул из драгоценных материалов указывало на высочайший статус женщины, то появление такого символа на тронном изображении Богоматери полностью оправдано. Сама же полусферическая форма скандинавских овальных фибул, возможно, является выполненной в бронзе имитацией драгоценного камня в оправе. На такие размышления также наводит отсутствие орнамента самых первых образцов этого украшения в Скандинавии (Рис. 1:1) и на данный момент единственная пара серебряных филиграных фибул рубежа IX/X вв. из Хайтабю (Илл. 114:3), которые происходят из женского камерного захоронения № 5 в повозке и с золотыми украшениями [11, S. 98–100, fig. 13–14].

Иконы с изображением центральной женской фигуры христианства — Богоматери — несомненно, являлись примером для подражания и влияли на женский костюм, в том числе на берегах Балтийского моря⁷. Актуальный в XI–XII вв. теологический диспут о Приснодевстве в иконографии отразился в изображениях звезд или крестов на плечах Богоматери, а сами иконы могли способствовать сохранению в костюме схоже расположенных фибул или булавок у прибалтийских народов в ходе их знакомства с православием.

Тенденции развития ливских овальных фибул в XI–XIII вв.

Теперь вернемся на восточный берег Балтики к ливам и попытаемся ответить на вопрос: связывали ли ливы мотив фибул с христианством?

На рубеже X–XI вв. на берегах Даугавы появляются местные подражания скандинавским фибулам (Илл. 113). Ливские овальные фибулы с рогами (тип 1) являются про-

⁷ Схожие наблюдения высказывались исследователями финского женского костюма [26, р. 386].

должением типологического ряда скандинавских фибул с решётчатой разбивкой поверхности. К тому времени уже сами скандинавские образцы сильно дегенерировали и потеряли былую пышность мотива. В результате прямого копирования, когда для отливки нового изделия использовалась старая фибула, ливские дериваты за неполных полстолетия теряют сохранявшуюся до тех пор «решётку» и в середине XI в. исчезают вовсе. В свою очередь фибулы с медальонами (тип 2), прообразом которого являлись фибулы типа Бирка, не теряли актуальности на протяжении двух столетий именно благодаря кресту в основе композиции. Даже если копирование приводило к полной потере орнамента поверхности изделия, то сохранялись пять крестообразно расположенных выступа. Такие выступы на концах ветвей можно расценивать как примитивную имитацию инкрустации самоцветами на драгоценных ювелирных изделиях. Их символика связана с добродетелями Иисуса Христа: терпение, смирение, послушание и любовь [2, с. 308]. Если считать пятый выступ в средокрестии, то это становится отсылкой на пять ран Спасителя.

Поэтому, на мой взгляд, именно потеря христианского содержания фибул с рогами стала причиной их исчезновения. В свою очередь крестовидная композиция, т. е. важнейшая христианская тематика изделий с медальонами послужила как широкому распространению, так и определила продолжительность их использования. На основе композиции с четырьмя медальонами были созданы собственно и интересующие нас фибулы с пальметтами (тип 5).

Выводы

Приведённые в исследовании иконографические аналогии, как самой формы овальных фибул, так и изображенных на них мотивов, позволяют сделать ряд важных выводов для понимания хода распространения христианства в регионе. Так, прототипом для создания овальной фибулы в Северной Европе могли послужить инсигнии власти верхушки византийского общества. С самого начала существования в Скандинавии этот вид украшений послужил своеобразным массмедиальным транслятором распространения христианской идеи. Христианское искусство как визуальная составляющая идеологии могло быть нацелено не только на adeptов религии, но и на потенциальных неофитов.

Известно, что для обучения неграмотного населения основам христианства проповедники и миссионеры использовали широкий спектр наглядных образов и символов, где особое место играли примеры из христианской зоологии. Поэтому даже находки из инвентаря заведомо языческой скандинавской кремации не стоит сразу отмечать, как не имеющие никакого отношения к христианскому искусству.

Эволюция ливской овальной фибулы указывает на устойчивость использования христианской символики. Причина продолжительного использования именно этого вида украшения у ливов, возможно, кроется во влиянии изображений Богоматери. В заключительной стадии существования этой формы украшений (конец XII — нач. XIII вв.) произошла изящная адаптация растительных мотивов, которые связаны с символическим видением христианского рая и божественной благосклонности, что характеризует ливов того времени как носителей христианской культуры.

Литература

1. Банк А. В. Взаимопроникновение мотивов в прикладном искусстве XI–XV веков // Древнерусское искусство. Проблемы и атрибуции. — М.: Наука, 1977. — С. 72–82.
2. Ворагинский И. Золотая легенда. — М.: Изд-во Францисканцев, 2017. — Т. I. — 527 с.
3. Зубарь В. М., Сорочан С. Б. У истоков христианства в юго-западной Таврике: эпоха и вера. — К.: ИД «Стилос», 2005. — 182 с.
4. Лебедев Г. С. Эпоха викингов в Северной Европе: историко-археологические очерки. — Л.: Изд-во ЛГУ, 1985. — 286 с.
5. Лелеков Л. А. Искусство древней Руси в его связях с Востоком (к постановке вопроса) // Древнерусское искусство. Зарубежные связи. — М.: Наука, 1975. — Т. 9. — С. 55–80.
6. Пастуро М. Символическая история европейского средневековья. — СПб.: Александрия, 2012. — 448 с.
7. Спиргис Р. Овальные фибулы ливов // Балтия в контексте Северного пространства. От Средневековья до 40-х годов XX века. — М.: ИВИ РАН, 2009. — С. 11–50.
8. Спиргис Р. Растительный орнамент древних ливов — декор или христианская символика? // Acta Archaeologica Albaruthenica. — Мн.: «Галіяфы», 2013. — Вып. 19. — С. 73–111.
9. Физиолог / Сост. Е. И. Ванеева / Литературные памятники. — СПб.: Наука, 1996. — 167 с.
10. Ambrosiani B. Birka under Ansgars tid. — Stockholm: Paniba, 2005. — 128 p.
11. Eisenschmidt S. The Viking Age Graves from Hedeby // Viking Settlements and Viking Society. Papers from the Proceedings of the Sixteenth Viking Congress, Reykjavík and Reykholt, 16–23 August 2009 / Ed. S. Sig mundsson. — Reykjavík: Hið íslenskra fornleifafélag & University of Iceland Press, 2011. — P. 83–102.
12. Fischer C. The Medieval Flower Book. — London: British Library, 2007. — 128 p.
13. Forstner D., Becker R. Lexikon christlicher Symbole. — Wiesbaden: Marix, 2007. — 438 S.
14. Friday J. S. Iota Alpha Omega Motif: Research into the Origin of the Inverted Heard Motif & Other Sacred Symbols. — USA: Kindle Direct Publishing, 2019. — 319 p.
15. Hägg I. Textilen und Tracht in Haithabu und Schleswig // Die Ausgrabungen in Haithabu 18. — Kiel, Hamburg: Wachholz, 2015. — 362 S.
16. Hinz H. Zur Frauentracht der Vlkerwanderungs- und Vendelzeit im Norden // Bonner Jahrbuch. — Köln, Bonn: Rheinland Verlag, 1978. — Bd 178. — S. 347–365.
17. Jansson I. Ovala spånnbucklor. En studie av vikingatida standardsmycken med utgångspunkt från Björkö-fynden / Aun 7. — Uppsala: Institutionen för arkeologi, 1985. — 237 S.
18. Karlsson L. Medieval Ironwork in Sweden. — Stockholm: Almqvist & Wiksell, 1988. — Vol. 1. — 437 p.
19. Kirpichnikov A. N. A Viking Period Workshop in Staraya Ladoga, Excavated in 1997 // Fornvännen. — 2004. — No. 3 (99). — S. 183–196.
20. Montanari G. The Mosaics of Ravenna. — Ravenna: Servizio turismo Comune di Rvenna, 2014. — 151 p.
21. Nitenberg A. Liljestenar och Stavkorshällar: Kulturmöten och social praktik i tidig medeltid / GOTARC. Series C, Arkeologiska skrifter. — Göteborg: Göteborgs universitet, 2009. — No. 71. — 137 s.
22. Nitenberg A., Thorsson A. N. Liljestenar och Stavkorshällar: text, inventering och antikvarisk dokumentation. — Lindköping: Värnermuseet, 2007. — 568 s.
23. Oehrl S. Paganes und Christliches in der Vierbeinerikonographie der schwedischen Runensteine // Hrsg. von S. Oehrl & W. Heizmann, Bilddenkmäler Zur Germanischen Götter- Und Heldenage / Ergänzungsbände zum Reallexikon der germanischen Altertumskunde. Bd 91. — Berlin, Boston: De Gruyter, 2015. — P. 463–534.
24. Paulsen P. Studien zur Wikinger-Kultur / Hrsg. von G. Schwantes, Forschungen zur Vor- und Frühgeschichte aus dem Museum vorgeschichtlicher Altertümer in Kiel. Bd 1. / Veröffentlichungen der Schleswig-Holsteinischen Universitätsgesellschaft, Reihe II, Nr. 1. — Neumünster: Karl Wachholtz, 1933. — 107 S.
25. Petersen J. Vikingetidenes smykker. — Stavanger: Dreyers grafiske anstalt, 1928. — 222 s.
26. Purhonen P. East and West in Early Finnish Christianity // Rom und Byzanz im Norden. Mission und Glaubenswechsel im Ostseeraum während des 8.–14. Jahrhunderts: internationale Fachkonferenz der Deutschen Forschungsgemeinschaft in Verbindung mit der Akademie der Wissenschaften und der Literatur, Mainz, Kiel, 18.–25. September 1994 / Hrsg. M. Müller-Wille. — Bd 1. — Stuttgart: Akademie der Wissenschaften und der Literatur, 1997. — S. 373–340.
27. Ramskou T. Ragnarok // Kuml: Årbog for Jusk Arkæologisk Selskab. — Århus: Universitetsforlaget i Aarhus, 1953. — S. 182–192.

28. Sindbæk S. M. Crossbreeding Beasts: Christian and Non-Christian Imagery in Oval Brooches // Conversion and Identity in the Viking Age / Ed. I. Garipzhanov / MISCS 5. — Turnhout: Brepols, 2014. — P. 167–193.
29. Spīrgis R. Bruņrūpuču saktas ar krūšu važījrotām un libiešu kultūras attīstība Daugavas lejtecē 10.–13. gadsimtā. — Riga: Latvijas vēstures institūta apgāds, 2008. — 511 lpp.
30. Spīrgis R. Bruņrūpuču saktas Gaujas lejtecē 12. –13. gadsimtā // Latvijas Vēstures Institūta Žurnāls. — 2009. — Nr. 4(73). — 5–30. lpp.
31. Spīrgis R. Late Liv Tortoise Brooches of the 12th–13th Centuries from the Environs of Riga // Hanzas pilsēta Rīga — starpniece starp austriumiem un rietumiem. Rīgas arheoloģiskās izpētes 70 gadiem veltītās starptautiskās konferences referātu krājums Rīga, 2008. gada 23.–25. Septembris = The Hansa Town Riga as Mediator between East and West. Proceedings of an International Scientific Conference Dedicated to 70 Years of Archaeological Research in Riga, Riga, Latvia, 23–25 September 2008. — Rīga: Latvijas vēstures institūta apgāds, 2009. — P. 175–189.
32. Staecker J. Rex regum et dominus dominorum. Die wikingerzeitlichen Kreuz- und Kruzifixanhänger als Ausdruck der Mission in Altdänemark und Schweden / Lund Studies in Medieval Archaeology. — Stockholm: Almqvist & Wiksell International, 1999. — No. 23. — 621 S.
33. Wamers E. Zwischen Salzburg und Oseberg. Zu Ursprung und Ikonographie des nordischen Greiftierstils // Völker an Nord- und Ostsee du die Franken. Akten des 48. Sachsensymposiums in Mannheim vom 7. bis 11. September 1997 / Hrsg. U. von Freeden, U. Koch, A. Wieczorek, Kolloquien zur Vor- und Frühgeschichte, Mannheimer Geschichtsblätter, Neue Folge. — Bonn: Dr. Rudolf Habelt GmbH, 1999. — Bd 3. Beiheft 2. — S. 195–228.

Название статьи. Растительный орнамент ливских овальных фибул конца XII–XIII веков в контексте средневекового христианского искусства

Сведения об авторе. Спиргис Роберт Валтерович — кандидат исторических наук. Латвийский университет, Райна бульварис 19, Рига, Латвия, LV-1586. spīrgis@inbox.lv ORCID: 0000-0001-5163-7798

Аннотация. Как одну из самых главных особенностей материальной культуры ливов можно выделить продолжительное использование парных овальных фибул, назначением которых было застегивание в плечах женского сарафана. До того как на рубеже X и XI вв. в низовье Даугавы создаются первые на месте изготовленные овальные фибулы, ливские женщины носили выполненные в скандинавском зверином стиле привозные образцы этого украшения. Новый поворот в ювелирном искусстве древних ливов наметился с появлением в середине XII в. фибул с растительным орнаментом. Известно, что прохождение растительного орнамента надо искать на Востоке, и оно связано с символом райского сада. Эту идею переняло и христианское искусство. Нескончаемое переплетение дерева жизни, цветов, лавровых листьев и гроздей винограда символизировали устройство Царства Божьего или рая, в который попадут души праведных христиан после смерти. Исследование посвящено не только рассмотрению отдельных деталей, так называемых фибул с пальметтами. Статья раскрывает христианские сюжеты как местных украшений (крест и добродетели Иисуса), так и показывает целенаправленность внедрения символики новой религии в декоре их скандинавских предшественников (изображение четырёх Евангелистов, креста, рая и сюжетов христианского бестиария). Выявленные византийские прототипы среди императорских регалий и в иконографии Богоматери помогают пролить свет на возможный контекст появления овальных фибул в Северной Европе и объяснить продолжительность использования этого вида украшений у ливов в Восточной Прибалтике.

Ключевые слова: ливы, овальные фибулы, растительный орнамент, христианизация, символика

Title. Floral Design of the Liv Oval Brooches of the 12th–13th Centuries in the Context of the Medieval Christian Art

Author. Spīrgis, Roberts — Dr. hist. University of Latvia, Raiņa bulvāris 19, Riga, Latvia, LV-1586. spīrgis@inbox.lv ORCID: 0000-0001-5163-7798

Abstract. Paired oval brooches were typical for the culture of ancient Livs. They were used to fasten female dress on the shoulders. The first brooches were made in the Lower Daugava at the turn of the 10th and 11th centuries. Before that the Livs had worn imported adornments in the Scandinavian Beast Style. The appearance of the brooches with floral design in the middle of the 12th century caused a new turn in the jewelry art of Livs. The floral design originated from the East. It was associated with the symbol of the garden of Eden. This idea was also adopted by Christian art. The interminable interweaving of the tree of life, flowers, laurel leaves and bunches of grapes symbolized the arrangement of the Kingdom of God, or the Paradise where the souls of righteous

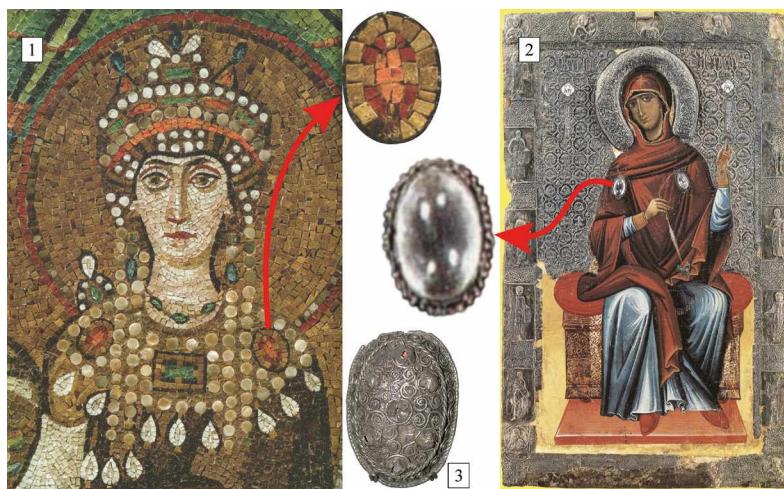
Christians would go after death. Article will consider not only the separate details, the so-called brooches with palmettes, it is intended to expose Christian themes in the local adornments (cross and virtues of Jesus) as well as to show the introduction of the new religious symbols in of the earlier Scandinavian decoration (the images of the four Evangelists, cross, heaven and plots of Christian bestiary). The prototypes were identified among the Byzantine imperial regalia and in the iconography of the Theotokos. They help to shed light on the possible context of the appearance of the oval brooches in the Northern Europe and explain the duration of use of these adornments among Livs.

Keywords: Livs, oval brooches, floral design, Christianization, symbolism

References

- Ambrosiani B. *Birka under Ansgars tid*. Stockholm, Paniba Publ., 2005. 128 p. (in Swedish).
- Bank A. V. Interpenetration of Motives in the Applied Arts of the 11th–15th Centuries. *Drevnerusskoye iskusstvo. Problemy i atributsii (Old Russian Art. Issues and Attributions)*. Moscow, Nauka Publ., 1977, pp. 72–82 (in Russian).
- Eisenschmidt S. The Viking Age Graves from Hedeby. *Viking Settlements and Viking Society. Papers from the Proceedings of the 16th Viking Congress, Reykjavík and Reykholt, 16–23 August 2009*. Reykjavík, Hið íslenskra fornleifafélag & University of Iceland Press Publ., 2011, pp. 83–102.
- Fischer C. *The Medieval flower Book*. London, British Library Publ., 2007. 128 p.
- Forstner D.; Becker R. *Lexikon christlicher Symbole*. Wiesbaden, Marix Publ., 2007. 438 p. (in German).
- Friday J. S. *Iota Alpha Omega Motif: Research into the Origin of the Inverted Heard Motif & Other Sacred Symbols*. USA, Kindle Direct Publ., 2019. 319 p.
- Hägg I. Textilen und Tracht in Haithabu und Schleswig. *Die Ausgrabungen in Haithabu*, vol. 18. Kiel; Hamburg, Wachholz Publ., 2015. 362 p. (in German).
- Hinz H. Zur Frauentracht der Völkerwanderungs- und Vendelzeit im Norden. *Bonner Jahrbuch*, vol. 178. Cologne & Bonn, Rheinland Verlag Publ., 1978, pp. 347–365 (in German).
- Jacobus de Varagine. *Zolotaia legenda (The Golden Legend)*, vol. 1. Moscow, Franciscan Publ., 2017. 527 p. (in Russian).
- Jansson I. *Ovala spånnbucklor. En studie av vikingatida standardsmycken med utgångspunkt från Björkö-fynden*. Uppsala, Institutionen för arkeologi Publ., 1985. 237 p. (in Swedish).
- Karlsson L. *Medieval Ironwork in Sweden*, vol. 1. Stockholm, Almqvist & Wiksell Publ., 1988. 437 p.
- Kirpichnikov A. N. A Viking Period Workshop in Staraya Ladoga, Excavated in 1997. *Fornvännen*, 2004, no. 3 (99), pp. 183–196.
- Lebedev G. S. *Epokha vikingov v Severnoi Evrope: istoriko-arkheologicheskie ocherki (The Viking Age in Northern Europe: Historical and Archaeological Essays)*. Leningrad, Leningrad State University Publ., 1985. 286 p. (in Russian).
- Lelekov L. A. The Art of Ancient Russia in Its Ties with the East (Formulation of the Question). *Drevnerusskoe iskusstvo. Zarubezhnye sviazi (Old Russian Art. Foreign Relations)*, vol. 9. Moscow, Nauka Publ., 1975, pp. 55–80 (in Russian).
- Montanari G. *The Mosaics of Ravenna*. Ravenna, Servizio turismo Comune di Ravenna Publ., 2014. 151 p.
- Nitenberg A. *Liljestenar och Stavkorshällar: Kulturmöten och social praktik i tidig medeltid*. Göteborg, Göteborgs universitet Publ., 2009. 137 p. (in Swedish).
- Nitenberg A.; Thorsson A. N. *Liljestenar och Stavkorshällar: text, inventering och antikvarisk dokumentation*. Lindköping, Vänermuseet Publ., 2007. 568 p. (in Swedish).
- Oehrl S. Paganen und Christliches in der Vierbeinerikonographie der schwedischen Runensteine. *Bilddenkmäler Zur Germanischen Götter- Und Heldenage (Ergänzungsbände zum Reallexikon der germanischen Altertumskunde)*, vol. 91. Berlin; Boston, De Gruyter Publ., 2015, pp. 463–534 (in German).
- Pastoureau M. *Simvolicheskaiia istoriia evropeiskogo srednevekov'ia (Symbolic History of the European Middle Ages)*. St. Petersburg, Alexandria Publ., 2012. 448 p. (in Russian).
- Paulsen P. *Studien zur Wikinger-Kultur*. Neumünster, Karl Wachholtz Publ., 1933. 107 p. (in German).
- Petersen J. *Vikingetidenes smykker*. Stavanger, Dreyers grafiske anstalt Publ., 1928. 222 p. (in Swedish).
- Purhonen P. East and West in Early Finnish Christianity. *Rom und Byzanz im Norden. Mission und Glaubenswechsel im Ostseeraum während des 8.–14. Jahrhunderts*, vol. 1. Stuttgart, Akademie der Wissenschaften und der Literatur Publ., 1997, pp. 373–340.

- Ramskou T. *Ragnarok. Kuml: Årbog for Jusk Arkæologisk Selskab*. Århus, Universitetsforlaget i Aarhus, 1953, pp. 182–192 (in Danish).
- Sindbæk S. M. *Crossbreeding Beasts: Christian and Non-Christian Imagery in Oval Brooches. Conversion and Identity in the Viking Age*. Turnhout, Brepols Publ., 2014, pp. 167–193.
- Spirģis R. *Bruņrupuču saktas ar krušu vāžiņprotām un libiešu kultūras attīstība Daugavas lejtecē 10.–13. gadsimtā*. Riga, Latvijas vēstures institūta apgāds Publ., 2008. 511 p. (in Latvian).
- Spirģis R. *Bruņrupuču saktas Gaujas lejtecē 12.–13. gadsimtā*. *Latvijas Vēstures Institūta Žurnāls*, 2009, no. 4 (73), pp. 5–30 (in Latvian).
- Spirģis R. Late Liv Tortoise Brooches of the 12th–13th Centuries from the Environs of Riga. *The Hansa Town Riga as Mediator between East and West*. Riga, Latvijas vēstures institūta apgāds Publ., 2009, pp. 175–189.
- Spirģis R. *Livs Oval Brooches. Baltija v kontekste Severnogo prostranstva. Ot Srednevekov'ia do 40-kh godov XX veka (Baltics in the Context of the Northern Space. From the Middle Ages to the 40s of the 20th Century)*. Moscow, Institute of World History RAS Publ., 2009, pp. 11–50 (in Russian).
- Spirģis R. *Floral Ornament of Ancient Livs — Decor or Christian Symbolism? Acta Archaeologica Albaruthenica, vol. 19*. Minsk, Galiafs Publ., 2013, pp. 73–11 (in Russian).
- Staecker J. *Rex regum et dominus dominorum. Die wikingerzeitlichen Kreuz- und Kruzifixanhänger als Ausdruck der Mission in Altdänemark und Schweden*. Stockholm, Almqvist & Wiksell International Publ., 1999. 621 p. (in German).
- Vaneeva E. (ed.). *Physiologus*. St. Petersburg, Nauka Publ., 1996. 167 p. (in Russian).
- Wamers E. Zwischen Salzburg und Oseberg. Zu Ursprung und Ikonographie des nordischen Greifstils. *Völker an Nord- und Ostsee du die Franken. Akten des 48. Sachsen Symposiums in Mannheim vom 7. bis 11. September 1997*. Bonn, Dr. Rudolf Habelt GmbH Publ., 1999, pp. 195–228 (in German).
- Zubar' V. M. : Sorochan S. B. *U istokov khristianstva v iugo-zapadnoi Tavrike: epokha i vera (At the Origins of Christianity in Southwestern Taurica: Era and Faith)*. Kyiv, Stylos Publ., 2005. 182 p. (in Russian).

Илл. 113. Иконографические изображения овальных фибул. 1. Фрагмент мозаики базилики Сан Витале в Равенне с изображением императрицы Теодоры, VI в. (копия). Адаптировано по: [20, р. 2]; 2. Византийская икона Богоматери из Благовещения, в серебряном окладе. Галерея икон, Охрид, Северная Македония. XII в. Адаптировано по: <https://pravlife.org/ен/node/1618>; 3. Серебряная овальная фибула с филигранным орнаментом из Хайтабю. Захоронение 5. Рубеж IX–X вв. Фото Р. Спиргиса

